

A.C. МИЛОСЛАВОВ

*Кандидат философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия
miloslavov-as@mail.ru*

ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ В ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ПОНИМАНИЯ

В статье рассматривается исторический нарратив как один из существенных элементов культуры. Указываются его основания и возможные функции в научном познании. Обсуждаются вопросы, связанные с трансформацией традиционных (текстовых) нарративных практик под влиянием цифровых технологий. В этом контексте анализируется концепция иерархии уровней понимания, которая была предложена Мухелишвили Н.Л. и Шрейдером Ю.А. для ситуации непрямой коммуникации [6]. На основании последней предлагается набросок методологической программы, которая может способствовать корректному выбору инструментов представления исторического нарратива с помощью инфо-коммуникационных технологий (ИКТ).

Ключевые слова: инфо-коммуникационные цифровые технологии (ИКТ), нарратив, история, непрямая коммуникация, семантика, прагматика, понимание

Благодарность: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-011-00920. «Революционные трансформации в науке как фактор инновационных процессов: концептуальный и исторический анализ»

A.S. MILOSLAVOV

*PhD in Philosophy Sciences, Associate Professor
Saint-Petersburg state University
Saint-Petersburg, Russia
miloslavov-as@mail.ru*

HISTORICAL NARRATIVE IN DIGITAL CULTURE: PROBLEMS OF PRESENTATION AND UNDERSTANDING

In this article, we consider historical narrative as one of the essential elements of culture. Its foundations and possible functions in scientific knowledge are designated. Issues related to the transformation of traditional (textual) narrative practices under the influence of digital technologies are discussed. In this context, the concept of a hierarchy of levels of understanding, pro-

posed by Muskhelishvili N.L. and Schrader Yu.A., for the situations of indirect communications is analyzed [6]. Based on the latter, a sketch of a methodological programme which can contribute to the correct selection of tools for representing historical narrative using digital information and communication technologies (ICT) is proposed.

Keywords: info-communication digital technologies (ICT), narrative, history, indirect communication, semantics, pragmatics, understanding

В настоящее время цифровые, инфо-коммуникационные технологии (ИКТ) глубоко проникли в познавательные практики и в значительной мере характеризуют образ современной науки. При этом важно, что влияние ИКТ наблюдается не только в тех областях знаний, для которых созданы в достаточной степени формализованные теории (например, математика и некоторые разделы физики), и не только в тех сферах научной деятельности, для которых характерна вычислительная обработка больших массивов данных. В литературе можно встретить предложения по применению ИКТ в тех областях познавательной деятельности, которые традиционно были далеки от процедур, связанных с явным использованием формальных методов [11].

Вычислительные машины переросли свою тривиальную сущность механизмов для быстрого выполнения арифметических операций, что нашло свое отражение в исследовательских и опытно-конструкторских практиках, в сферах как научной, так и повседневной коммуникации.

Современные ИКТ выступают в качестве инструментов представления информации, определяя, а иногда навязывая исследователю свою «логику описания». Экспертные системы и технологии, включающие «базы знаний», часто оперируют информационными единицами естественного языка (предложениями). Но при этом возникает необходимость трансформации последних для реализации эффективных машинно-ориентированных процедур вывода.

Ссылка на то, что прогноз основан на применении компьютерной модели сложной системы, становится не только «достаточным» основанием для представления результатов социально-гуманитарного исследования, но и служит базой для принятия ответственных решений [7]. Наконец, нередко проявляющийся, хотя и всегда осознаваемый представителями научного сообщества принцип «то, что не является оцифрованным, не является актуальным» в значительной мере определяет ценностные и целевые ориентиры современных ученых и педагогов, устанавливающих приоритеты при отборе материала для своей работы. Данная интенция проявляется, например, в том, что ученый-историк предпочитает заниматься разработкой проекта «виртуального музея», вместо кропотливой работы с документами в архивах. Преподаватель философии, в свою очередь, занят созданием электронной библиотеки, в которой возможен поиск текстовых абзацев

по ключевому слову. В общем, можно сказать, что современные цифровые технологии являются фактором, существенно влияющим на «культуру», какой бы из множества смыслов мы не вкладывали в этот термин.

Одной из черт культурной деятельности человека является реконструкция событий прошлого, которая, если она осуществляется в определенной форме, может обрести статус науки – «истории».

Историк имеет дело с летописями, хрониками, документами, мемуарами и т.д. Можно сказать, что здесь осуществляется процесс не прямой (опосредованной) коммуникации между исследователем и авторами изучаемых текстов. В этом случае познавательная деятельность может быть представлена как диалог - интеллектуальная процедура, состоящая в том, что ученый задает вопросы о прошлом и получает на них ответы из прочитываемого источника. В результате диалога рождается новый текст, в котором обретает свой образ прошлое или, точнее, то, что наш современник думает о нем. Традиционно создаваемые историком тексты носили линейный, монологический характер и рассказывали о разворачивающейся во времени цепочке событий. Участниками описываемых событий могли выступать как конкретные исторические персонажи, так и «сущности» иного рода, например, государство, сословия, армии и т.д. Обычно, такие рассказы обозначали начало событий во времени и географические границы, в пределах, которых осуществлялось происходящее. Можно выделить собственно «предмет» повествования и общественные условия (или «социальный центр») – в терминологии Х. Уайта) разворачивающейся драмы [12].

Рассказываемые истории занимают существенное место в социальном-гуманитарном знании и именуются «нарративами». Нарративы, с одной стороны, могут выступать как источники, с привлечением которых выполняются исторические изыскания, а, с другой стороны, в качестве фрагментов включаются в результаты исследовательской работы.

Почему нарратив является столь распространенным способом представления информации? Ответ на этот вопрос выводит нас на психологический, и, как следствие, культурологический аспекты «создания историй». Автору статьи не известны такие культуры, в которых не рассказывались бы истории, хотя бы в форме мифов, сказок, исповедей и т.п. Можно согласиться с Брокмейер Й. и Харре Р., которые, подчеркивая важность исследования нарративных практик, утверждают, что повествовательная форма составляет фундаментальную психологическую, лингвистическую, культурологическую и философскую основу для наших попыток прийти к соглашению условиями существования [1]. Действительно, каждый из нас рассказал в своей жизни хотя бы одну историю.

Вопросы о том, «лежат ли в основе наших рассказов подлинные события?» или «в какой степени исторический нарратив отражает реальное

прошлое или соответствует событиям, как они происходили?» не будут рассматриваться в данной статье. Действительно, персонажи античных мифов и сказок народов мира вполне законно могут претендовать на такой же онтологический статус, каким обладают «материальная точка», «идеальный газ», «абсолютно твердое тело» и прочие «герои» из рассуждений современных естествоиспытателей.

Тот факт, что нарративные практики широко распространены в многообразии культур, возможно, объясняется спецификой организации мышления человека. Так, известный американский психолог Брунер (Bruner J.S.) выделял два способа мышления (mode of thought) – парадигматический (paradigmatic) или логико-научный (logico-scientific) и нарративный (narrative) [8]. «Первый, в своем наиболее развитом виде, выражается в формальной, математической, системе описания и объяснения. Он базируется на категоризации или концептуализации и на операциях, благодаря которым категории обосновываются, подтверждаются примерами, идеализируются и связываются друг с другом в форму системы» [8, С.98]. В результате применения данного способа мышления мы получаем научные теории, логические выводы, выдвигаем гипотезы и находим их эмпирические подтверждения. Нарративный способ мышления, в свою очередь, порождает правдоподобные рассказы и истории, захватывающие драмы, в которых повествуется о человеческих действиях, намерениях и желаниях, о превратностях судьбы (vicissitudes).

Теперь уместно обратиться к вопросам соотношения нарратива и научного знания. Брунер на наш взгляд, излишне абсолютизирует границу между двумя различными способами мышления. В частности, он утверждает: «There is nothing in science and logic that corresponds to narrative or poetic license» [8, С.99]. («В науке и логике нет ничего, что соответствовало нарративной или поэтической вольности»).

Но дело в том, что повествования о разворачивающихся во времени событиях не является элементом, допустимым исключительно в сфере «поэтической вольности». Конечно, результаты научных исследований, представленные в виде статей, монографий, научных докладов, являют собой систему понятий и утверждений, связанных строгими правилами. Но, во-первых, даже в тех текстах, которые могут быть признаны сугубо научными, встречаются фрагменты, описывающие последовательность действий ученых или поведение объекта, за которым осуществляется наблюдение. Конечно, в текстах, относящихся к различным дисциплинарным областям, такого рода фрагменты встречаются с различной частотой. Так, например, в изданиях, посвященных аксиоматико-дедуктивным наукам, предложения, описывающие определенную последовательность событий, почти не встречаются. Но, если ученый-зоолог представит научному сообществу

результаты многолетних наблюдений за жизнью семейства слонов в африканской саване, то его труд, вероятно, будет включать в себя значительный объем историй о поведении животных, но вряд ли вызовет он отторжение со стороны коллег как «ненаучный».

Суть проблемы состоит здесь в том, что различные дисциплинарные области не являются единообразными, соответствующими единым образцам научности, стандартам строгости и требованиям к обоснованности. Математика, по-видимому, не удовлетворит тот уровень обоснования результатов клинических исследований, который он обнаружит в медицинском журнале. Но стоит ли при этом объявлять медицинскую публикацию ненаучной? Если мы признаем междисциплинарные различия в стандартах научного исследования, то почему мы не можем допустить существование альтернативных способов представления результатов, одним из которых может быть «нарратив»? Подобное представление будет вполне естественным, если мы хотим выполнить описание изменений в поведении изучаемого объекта или трансформации, с ним происходящие. Таким образом, нарратив может быть включен в процесс реализации описательной функции научного познания.

Можно ли исторический нарратив задействовать в осуществлении функции объяснения? Безусловно, и вполне естественным образом! Так, например, на вопрос, почему Советский Союз оказался плохо подготовлен к нападению фашистской Германии 22 июня 1941 года, ответ может быть представлен следующим образом. «...И.В. Сталин не доверял донесениям разведки, надеялся на то, что Гитлер начнет военные действия, прежде всего, против Англии, а потому советское командование не предпринимало должных мер для подготовки к отражению агрессии...». Мы специально поставили многоточие в начале и в конце текста, подразумевая, что данный фрагмент может быть элементом более подробного рассказа о последовательности событий. Приведенный фрагмент обладает характеристиками нарратива, и использовать его для объяснения трагических событий начала войны представляется более разумным, чем строить причинно-следственную связь на основании известной схемы Поппера-Гемпеля, использующей принцип подведения частного случая под общий закон.

Что же касается реализации функции предвидения, то коротко отметим здесь лишь то, что знакомство с нарративными текстами может способствовать нашему прогнозированию будущих событий в том же самом смысле, в каком способствует этому любой опосредованно приобретенный нами социальный опыт. При этом события могут относиться, как к внешне-миру, так и к миру внутреннему, т.е. к нашим эмоциональным и ментальным состояниям. Таким образом, наличие нарративных структур не вступает в конфликт с научным статусом представляемой информации. А

некоторые специалисты говорят даже о «нарративной науке» и «нарративном знании» [10].

Однако обратим внимание, на то, что историко-культурный нарратив обладает своей спецификой. Чтобы разъяснить ее, представляется полезным обратиться к уже упоминавшейся работе Х. Уайта [12]. Автор проводит достаточно четкую границу между анналами, хрониками и собственно историческими повествованиями (нарративами). Под «анналами» подразумевается простое перечисление событий, обычно социально значимых («плохой урожай», «мор», «победа над сарацинами») и записанных в хронологическом порядке. Хроника предполагает последовательное повествование, но «исторический рассказ, в отличие от хроники, открывает нам мир, который предположительно «закончен» (closure), еще не растворен, не разваливается» [12; С.21]. Характеристика завершенности (closure) исторического повествования – это требование оценки последовательности реальных событий как элементов «моральной драмы» [там же]. Таким образом, историческому повествованию в собственном смысле слова (нарративу), согласно Х. Уайту, внутренне присуща оценочная функция, при том реализуемая с моральных позиций. Данная функция позволяет не только отличить культурно-исторический нарратив от формально похожих структур в естественнонаучных текстах, но и требует также и включения в поле нашего зрения прагматических аспектов создания текста, его понимания и интерпретации.

Значимость прагматики в историческом нарративе обусловлена и тем, что последний является сложным конструктом, в котором можно выделить, по крайней мере, два уровня. Первый из них, это повествовательный текст, представляющий некоторые события. Этот уровень лежит на поверхности и представлен явно. Но он в значительной степени связан с теми ментальными структурами, которые ответственны за упорядочивание мира в сознании автора, и могут определять отношение автора к описываемым событиям, героям и т.п. На работу историка могут оказывать влияние не только прочитанные тексты, но и увиденное им, например изображения, в том числе и художественные.

Отмеченные обстоятельства в существенной мере проблематизируют нарратив как форму опосредованной коммуникации в современной цифровой культуре. Действительно, ранее, рассказываемые истории представляли собой линейно структурированные тексты, которые лишь иногда сопровождалось изображениями. (Мы здесь оставляем в стороне случаи иконографии или традиции комиксов, поскольку они не относились к научно-образовательной деятельности.) Но в настоящее время создаваемые и прочитываемые историком повествования могут представлять собой ветвящиеся гипертекстовые структуры, в которые вплетены аудио- и видео-

элементы, схемы, графики и т.п. В связи с этим обстоятельством требуется тщательная философско-методологическая рефлексия по поводу организации и применения нарративов в цифровой реальности в контексте научно-образовательных практик. Это требование обусловлено, прежде всего, проблемой понимания.

Как известно, проблема понимания является одной из фундаментальных для гуманитарного знания. По ее поводу написаны статьи и книги философами, педагогами, психологами. Однако в значительной части источников, затрагивающих эту проблему, сложно обнаружить конкретные, конструктивные рекомендации для адекватной реализации нарративных практик в цифровом мире.

С другой стороны, нередко в современной литературе встречается «алгоритмическая» точка зрения на проблему понимания.

Так, например, известный американский специалист в области computer science Д. Кнут заявлял: «Наука – это знание, настолько понятное нам, что мы могли бы обучить ему вычислительную машину; ... Понятие алгоритма или программы – чрезвычайно полезный тест глубины наших познаний о каком-то предмете ...» [4; С.32].

Разъясним основные принципы «алгоритмического подхода» к пониманию, истоки которого обнаруживаются в работах Лейбница. Немецкий философ предлагал различать два вида фактов. Во-первых, это факты, которые можно описать с помощью некоторого закона. А, во-вторых, факты нерегулярные. Если мы формулируем какой-то закон, то его представление не должно допускать какую угодно математическую сложность, поскольку в таком случае понятие «теория» становится бессмысленным. Хорошая теория должна быть проще, чем описание тех фактов, о которых она говорит. Идеи Лейбница были в дальнейшем развиты и уточнены в работах Чайтина Г. [9] на основе понятия «колмогоровской сложности» и нередко применяются для экспликации проблемы понимания. Так, например, в [3] утверждается: «Теория при прочих равных условиях взятая в качестве объяснения, является удачной только до такой степени, до которой она сжимает количество двоичных цифр, содержащихся в представлении фактов, в намного меньшее количество двоичных цифр, содержащихся в представлении теории. В некотором смысле понимание есть сжатие, постижение есть сжатие» [3; С.227]. Понятие «колмогоровской сложности» при рассмотрении сходной проблемы используется и в [5]. Анализируя изменения, произошедшие в науке за последние десятилетия под влиянием ИТ, автор пишет: «Основные физические «законы природы» (ньютоновское $F=ma$, эйнштейновское $E=mc^2$, уравнения Шредингера и т.п.) представляют собой очень сжатые программы для получения информации в различных конкретных ситуациях. Величина их колмогоровской сложности явным

образом имеет человеческие масштабы... В наши дни такие программы как «геном человека, порождают гигантские объемы информации, не вмещающиеся (в сколь угодно сжатом виде) в сознание одного человека... Без компьютеров было бы невозможно ни хранить в коллективной памяти данные наблюдений, ни обрабатывать их» [5; С.44].

Трудно не согласиться с этими словами, но дело в том, что подобная, основанная на понятии сложности, «метафора» понимания (а автор цитируемого текста подчеркивает, что речь идет именно о «метафоре») оказывается не всегда адекватной, в том случае, когда речь идет о социокультурной реальности, и историческом нарративе, в частности.

Сталкиваясь с нарративом, мы имеем дело не с данными и отдельными фактами, но с текстами, для которых последовательность расположения единиц информации имеет существенное значение. Так, например, конъюнкция в нарративных структурах часто «не-коммутативна». Действительно, в предложениях «Гертруда вышла замуж, и у нее родился ребенок» и «У Гертруды родился ребенок, и она вышла замуж» представленные последовательности событий могут иметь различное значение для «логики» повествования. Замена какого-либо из предложений «сжатым» текстом – «Гертруда – замужем и мать» – не будет являться адекватной для представления исходной информации.

Для преодоления трудностей, связанных с возможностью «конструктивной» экспликации понимания для гуманитарных текстов, представляется разумным обратиться к концепции, предложенной Мухелишвили Н.Л. и Шрейдером Ю.А. в работе [6].

Точка зрения авторов базируется на следующих предпосылках. Во-первых, акт понимания направлен не на текст, а на его смысл, на выражаемую в нем «идею». Во-вторых, понимание смысла источника выражается в том, что создается новый текст. В свою очередь, особенности последнего определяются как читателем, так и источником.

Далее предлагается следующая типология текстов. Во-первых, выделяются тексты, имеющие «инструктивную» прагматику. Они предполагают, наличие в данном культурном контексте строго определенной интерпретации, при единственно возможном описании состояний действительности. Креативная прагматика, в свою очередь, допускает творческое воссоздание смысла текста. При этом важно, что тексты с креативной прагматикой порождают и новую семантику. То, что они описывают, адресат не может воссоздать, используя только формальные структуры имеющихся у него знаний. В этом случае читатель вынужден обращаться к своим творческим способностям, конструируя смысл, выражаемый создаваемым текстом.

Прагматика текста задает для читателя уровень понимания смысла. В случае если в текст закладывается только инструктивная прагматика, возможна реализация только трех уровней понимания. Во-первых, это уровень, который реализуется, как способность читателя просто воспроизвести текст. Следующий уровень понимания выражается в пересказе текста, выделении в нем главного, существенного. Эта ситуация характерна для освоения учебных текстов. Третий уровень состоит в выявлении и описании семантической структуры текста, которая присутствует в нем «объективно». Здесь выделяются важные семантические компоненты («ключевые слова, речевые обороты, подчеркивающие значимость того или иного фрагмента текста»). Можно сказать, что, по сути дела, речь здесь идет о подготовке текста к формализации, в том числе и для задач машинной обработки.

Далее мы переходим к текстам, в которых уже присутствует креативная прагматика.

Рассмотрим, например, стихотворение или другой художественный текст. Читатель высказывает свое мнение о нем, создает комментарии, т.е. порождает семантику. Обратим внимание, что речь здесь идет не о «пересказе». Пересказ стихотворения означал бы полное уничтожение исходного текста. Этот уровень понимания мы, следуя авторам рассматриваемой концепции, назовем «четвертым». Пятый уровень предполагает создание «правильных» комментариев, т.е. воспроизводящих замысел автора. Именно на этот уровень, как можно предположить, претендуют ученые, занятые в гуманитарных науках: истории, литературоведении и т.п. Конечно, о «правильности» воссоздания здесь можно говорить только с учетом социокультурного контекста.

Но, если речь идет о понимании образцов высших художественных текстов или текстов, принадлежащих к другим культурам, то адресатом могут быть созданы не согласующиеся и взаимодополняющие друг друга комментарии. Здесь осуществляется диалог между текстом и его читателем. В этой форме реализуется шестой уровень понимания.

Наконец, седьмой уровень понимания, который авторы именуют «постижением», реализуется через порождение текстов, не дающих адекватного проникновения в понимаемое, но профанирующих его смысл. Это проявляется себя, когда, читатель имеет дело с религиозными источниками.

Здесь представляется важным обратить внимание на следующее. Во-первых, согласно представленной концепции Мухелишвили - Шрейдера тексты «обретают смысл» только во взаимодействии с читателем. Экспликация «понимания» информационных источников через порождение текстов, вполне согласуется с повсеместно распространенной в настоящее время практикой организации цифровых ресурсов. Последние включают в

себя различные средства для выражения отношения к представленной информации (инструменты для написания комментариев, «лайки» и т.п.).

Во-вторых, связь между «уровнями понимания» здесь не носит линейного характера, т.е. мы не можем утверждать, что понимание последовательно «возрастает» при переходе от одного уровня к последующему. Данный аспект представляется важным в контексте обсуждения представления нарративов в «цифровом пространстве». Последнее включает в себя гипертекстовые структуры, изображения (рисунки, фотографии, схемы и т.д.), аудио- и видео- материалы, которые могут быть вплетены в ткань исторического повествования.

Наконец, существует естественная возможность уточнения понятий «инструктивной» и «креативной» прагматик с учетом «целевой установки» создания текста. В частности, в этом случае удобно воспользоваться классификацией Дройзена И.Г., выделявшего среди исторических описаний повествовательные, дидактические и исследовательские [2]. Действительно, иногда мы создаем нарратив с целью простого рассказа о событиях прошедшего времени. Примером может служить наше повествование о проведенном отпуске. В другом случае нарратив может быть включен в структуру учебного текста или непосредственно выполнять функцию дидактической функции. Последнее, например, имеет место в разнообразных текстах, которые издаются под рубрикой «Библия для малышей». Наконец, повествование о событиях прошлого, совершенно очевидно, может выступать как результат исследовательской работы.

Какие уровни понимания, выделенные в концепции Мухелишвили – Шрейдера могут быть реализованы в случае столкновения читателя с указными выше видами исторических описаний?

Очевидно, что понимание первого уровня может быть осуществлено для нарративов, создаваемых с любым намерением. Действительно, легко допустить, что агент, обладающий хорошей памятью способен к простому воспроизведению прочитанного текста, независимо от его целевой направленности. Обратим внимание на то, что такое простое воспроизведение, обретает широкую реализацию лишь в том случае, если нарратив являет собой «текст» в узком смысле, т.е. предстает исключительно как набор предложений. Если же повествование сопровождается изображениями, схемами, аудио- и видеоматериалом, то понимание на уровне простого воспроизведения приходится уже признать невозможным или неадекватным по отношению к представленному тексту.

Второй вид понимания (выделение главного, существенного в тексте), может быть оптимально реализован для «дидактических» повествований. Поскольку для повествовательных текстов и текстов, имеющих исследовательскую направленность, у читателя может не хватить компетенции

для выделения важных смысловых единиц. Если же читатель достаточно опытен (например, является профессиональным историком), эти тексты будут обретать для него креативную прагматику.

Здесь мы можем сделать одно важное дополнение к концепции Мухелишвили – Шрейдера. Характер прагматики текста зависит не только от «замысла» автора и «параметров» самого текста, но и от читателя. Компетенция последнего, его целевая установка и когнитивные характеристики, могут существенным образом повлиять на то, какую прагматику обретет текст.

Третий уровень понимания, при котором выделяется и описывается семантическая структура текста, может быть реализован с различной степенью подробности, для нарративов любого из трех видов.

Сложнее обстоит дело с четвертым уровнем понимания, при котором агент порождает новую семантику в виде комментариев к тексту. Как было отмечено выше, этот уровень понимания не претендует на воспроизведение замысла автора.

В принципе, реализация понимания на данном уровне может осуществляться для любого типа описаний. Другое дело, что в этом случае представляется разумным разделять создаваемые комментарии. Во-первых, – это комментарии, носящие оценочный характер и выражающие эмоциональное отношение читателя к содержанию нарратива. Во-вторых, комментарии, релевантные к содержанию самого текста. Замечания «Это очень поучительная история!» или «Какие ужасные события!» являются примерами для первого вида. Высказывание «А король Клавдий, подозревая Гамлета, был прав» – для второго.

Пятый уровень понимания, как мы помним, состоит в создании «правильных» комментариев, отражающих попытку воспроизвести замысел автора. Эта процедура как раз и осуществляется историками, литературоведами, философами и другими специалистами, чья деятельность связана с исследованием и анализом текстов. Она может быть реализована для текстов имеющих повествовательную, дидактическую и исследовательскую направленность.

Два последних уровня понимания, которые реализуются для высокохудожественных произведений и религиозных текстов, в силу комплексного, многослойного содержания источников не могут быть однозначно соотнесены с прагматикой нарратива. Повествование, поучение и даже исследование проявляются в подобных текстах как некоторая целостность, а значимые для читателя модусы раскрываются через диалог с источником (автором).

Выделение уровней понимания представляется весьма продуктивной идеей для решения проблемы презентации социо-гуманитарной информации средствами современных ИКТ.

Стоит отметить, что этой проблеме посвящено большое число публикаций, отражающих, как общие, методологические вопросы, так и описывающих конкретные проекты («виртуальные музеи», «цифровые архивы» и т.п.). Однако, когда знакомишься с содержанием некоторых публикаций или обращаешься к разработанным цифровым ресурсам, возникает впечатление, что их авторы руководствуются простым принципом: «Есть популярные инфо-коммуникационные, цифровые технологии – давайте, применим их к чему-нибудь!». Подобный подход часто оказывается не только бесполезным, но иногда и вредным для научно-образовательных практик в социально-гуманитарной сфере.

Ниже представлен методологический набросок для адекватной презентации исторического нарратива с помощью ИКТ.

Первым исходным принципом предлагаемого подхода является утверждение о том, что исследователь или преподаватель не должны «встраиваться» в те «программные продукты», которые предлагает ИТ. Наоборот, им следует думать над возможностью использования эвристического потенциала современных цифровых технологий для решения собственных научных и педагогических задач. Иначе говоря, в начале необходимо корректно поставить задачу, и только после этого подбирать инструменты для ее решения.

Вторым пунктом, который следует держать в уме, является тот факт, что современный исторический источник может включать в себя не только текстовую информацию, но и в значительном количестве разнообразные аудио- и визуальные материалы. Последние оказывают существенное влияние на когнитивные процессы участников коммуникации в цифровом мире. Третье положение требует обязательно учитывать нарративную прагматику, как при обращении к источнику, так при создании информационного ресурса.

Исходя из сказанного, можно представить следующие рекомендации относительно того, какие инструменты ИКТ могут быть использованы для представления исторических нарративов с учетом прагматики создаваемых текстов.

Если целевой установкой разработчиков цифрового информационного источника является реализация сугубо дидактических задач, понимаемых в классическом смысле (т.е. «сообщить некоторую информацию и проверить знания учащихся), то содержание ресурса и его организация должны быть направлены на реализацию инструктивной прагматики. В этом случае можно ограничиться созданием закрытой системы, включаю-

щей нарративные тексты и вопросы, ориентированные на проверку первого и второго уровней понимания. Здесь уместно сделать несколько замечаний. Для данной целевой установки не имеет принципиального значения, каким способом представлен нарратив: напечатанный текст, аудио-лекция и т.п. В некоторых ситуациях он может быть реализован с помощью кадров кинохроники. Главным в этом случае будет являться «линейность» представленной информации, которая и позволяет выделять главное и существенное, т.е. осуществлять «сжатие информации» в указанном выше смысле. При этом параметр, на основе которого сжатие осуществляется, должен быть строго задан в структуре нарратива. Именно на этом принципе основана практика тестирования, используемая при проверке знаний. Задания «укажите дату события X», «установите хронологическую последовательность событий из списка» представляют собой типичные образцы вопросов для проверки понимания нарративных конструкций, реализующих инструментально прагматику.

При создании цифровых ресурсов, предполагающих возможность реализовать «креативную прагматику», следует ориентироваться на создание открытых систем, в рамках которых может иметь место нелинейное представление информации. Но может ли повествование о событиях, последовательно разворачивающихся во времени, (т.е. нарратив) быть «нелинейным»? Текст, сам по себе - конечно, нет. Но, оказываясь погруженным в информационное пространство, нарратив может стать элементом нелинейной структуры. Действительно, имеются возможности представить ссылки на другие повествования, представляющие альтернативное изложение событий. Можно сопроводить текст разнообразным видео- и аудиоматериалом, выходящим за рамки «документальной хроники». Но главное – это создать возможность для читателя нарратива реализовать креативный импульс, формируемый источником информации. Для этого необходимо снабдить информационный ресурс инструментами, позволяющими человеку, соприкасающемуся с нарративом, создавать свои комментарии и сопровождать прочитанное собственной информацией.

«Но подобное осуществляется в социальных сетях!» - воскликнет наш читатель. Конечно. Но именно эти возможности, делают данные Интернет-ресурсы столь привлекательными для пользователей. Возможно, что основанием для такого положения дел является то обстоятельство, что человек не является просто существом, потребляющим информацию, но является активно действующим субъектом, формирующим сферу знаний. (Здесь, конечно, уместно вспомнить И. Канта). Однако, подробное рассмотрение данного вопроса далеко уведет нас от основной темы данной статьи. Поэтому, завершая обсуждение проблем, связанных с существова-

нием исторического нарратива в цифровой культуре, обратим внимание на следующее.

Во-первых, если информационный ресурс создается для представления исторических повествований, носящих исследовательский характер, он должен быть открытым и предполагать возможность записи комментариев, альтернативных текстов, документов и т.п.

Во-вторых, современные ИКТ могут быть полезны для метаисторических исследований нарратива. Применение методов онтологического инжиниринга, включающего в себя создание концептуальных карт и построение онтологий, относящихся к одной и той же последовательности событий, но выделенных из текстов различных эпох, позволит более или менее строго зафиксировать трансформации в «ремесле» историка.

Наконец, поскольку нынешнее поколение молодых людей черпает значительную часть исторических знаний из Сети, а последняя является открытой системой, содержащей тексты различного содержания и качества, то весьма актуальной является проблема «информационной экологии», которую, однако, нельзя решить административно, путем создания «комиссий по противодействию». Но сами ИКТ могут способствовать созданию таких систем поиска информации, которые позволят читателю осуществлять отбор качественных сведений о прошлом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. – 2000. – № 3. – С. 29 – 42.
2. Дройзен И.Г. Историка. Лекции об энциклопедии и методологии истории. – СПб.: Владимир Даль. – 2004.
3. Караваев Э.Ф. Некоторые современные философские вопросы информатики // Философские искания: Московско-Петербургский сборник. Выпуск 2 / Под ред. В.В. Миронова. – М.: Изд-во Московского университета, – 2011. – С. 214 – 232.
4. Кнут Д. Программирование как искусство // Лекции лауреатов премии Тьюринга: Пер. с англ./ Под ред. Р. Эшенхёрста. – М.: Мир 1993, – С. 48 – 64.
5. Манин Ю.Л. Математика и культура // Манин Ю.Л. Математика как метафора. – М.: МЦНМО, – 2008. – С. 15-51.
6. Мухелишвили Н.Л., Шрейдер Ю.А. Метапсихологические проблемы непрямой коммуникации // Когнитивная эволюция и творчество / отв. ред. И.П. Меркулов. – М.: ИФ РАН, – 1995. – С. 33 – 55.
7. Нил’О К. Убийственные большие данные. Как математика превратилась в оружие массового поражения. Пер. с англ. – М.: Изд-ство АСТ, – 2018. – 320 с.
8. Bruner J.S. Narrative and paradigmatic modes of thought // Learning and teaching the ways of knowing (Eight-fourth Yearbook of the National Society for the Study of Education) / Eisner F. (ed.). – Chicago: Chicago Univ. Press, – 1985. – P. 97 – 115.
9. Chaitin, G. The limits of reason // Scientific American. 294, (Mar. 2006), – P. 74-81.

10. Morgan M. S., Wise N. M. Narrative science and narrative knowing. Introduction to special issue on narrative science // *Studies in History and Philosophy of Science. Part A. Vol. 62. April, 2017.* – P. 1–5.
11. Varfolomeyev A. Ivanovs A. Representation of Historical Sources on the Semantic Web by Means of Attempto Controlled English // *Knowledge Engineering and the Semantic Web. 4th International Conference, KESW, St-Petersburg. Berlin, Springer, – 2013.* – P. 177–190.
12. White H. The Value of Narrativity in the Representation of Reality // *Critical Inquiry, Vol. 7, No. 1, On Narrative (Autumn, 1980).* – P. 5–27.

TRANSLIT

1. Brokmeier J., Harre R. Narrativ: problemi i obeschaniya odnoy alternativnoy paradigmy // *Voprosi filosofii. 2000. №3. S. 29 – 42.*
2. Droyzen I.G. *Istorika. Lekcii ob enciklopedii i metodologii istorii.* – SPb.: Vladimir Dal, – 2004.
3. Karavaev E.F. Nekotore sovremennye filosofskie voprosi informatiki // *Filosofskie iskaniya: Moskovsko-Peterburgskiy sbornik. Vypusk 2 / Pod red. V.V. Mironova. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, – 2011.* – S. 241 – 232.
4. Knut D. *Programmirovanie kak iskusstvo // Lekcii laureatov premii T'uringa: Per. s angl. / Pod ped. R. Eshenhersta.* – M.: Mir, – 1993. – S. 48 – 64.
5. Manin Y.L. *Matematika i kultura // Manin Y.L. Matematika kak metafora.* – M.: MCHMO, 2008, – S.15 – 51.
6. Mushelishvili N.L., Shreyder Yu.A. *Metapsihologicheskiye problemi nepryamoy kommunikatsii // Kognitivnaya evolyutsiya i tvorchestvo / otv. Red. I.P. Merkulov. M.: IF RAN, – 1995.* – S. 33 – 55.
7. Nill’O K. *Ubiystvennye bolshie danniy. Kak matematika prevratilas v orudie massvogo porazheniya. Per. s angl. – M.: Izd-vo ACT, – 2018. 320 P.*
8. Bruner J.S. *Narrative and paradigmatic modes of thought // Learning and teaching the ways of knowing (Eight-fourth Yearbook of the National Society for the Study of Education) / Eisner F. (ed.). Chicago: Chicago Univ. Press, – 1985.* – P. 97 – 115.
9. Chaitin, G. *The limits of reason // Scientific American. 294, (Mar. 2006) – P. 74–81.*
10. Morgan M. S., Wise N. M. Narrative science and narrative knowing. Introduction to special issue on narrative science // *Studies in History and Philosophy of Science. Part A. Volume 62, April, 2017.* – P. 1–5.
11. Varfolomeyev, A. Ivanovs, A. Representation of Historical Sources on the Semantic Web by Means of Attempto Controlled English // *Knowledge Engineering and the Semantic Web. 4-th International Conference, KESW, St-Petersburg. Berlin, Springer. 2013.* – P. 177- 190.
12. White H. *The Value of Narrativity in the Representation of Reality // Critical Inquiry, Vol. 7, No. 1, Autumn. – 1980.* – P. 5 – 27.